

Глава 15

В день визита к родителям Цзян Жан проснулся ни свет ни заря. Всю ночь напролет он ворочался, раз за разом прокручивая в голове свои тревоги. Стоило первым блеклым рассветным лучам скользнуть сквозь щели в окнах, как он тут же чутко вскинулся.

Рядом, повернувшись на бок, мирно спал Фан Чжуншань.

Опасаясь потревожить мужа, Цзян Жан затаил дыхание. Лишь когда унялся бешеный стук сердца, он решился — несмело, затаив дыхание, — всмотреться в лицо спящего.

В простых помыслах юного шуаньэр Фан Чжуншань казался безупречно красивым. Еще до свадьбы, помнится, они шептались об этом с близким другом.

Тот тогда еще без умолку тараторил, пытаясь его успокоить: «Пусть в нашей деревне о Фан Чжуншане и болтают всякое, но ты оглядись — во всей округе не сыщешь ханьцзы статнее да краше него!»

Цзян Жан украдкой полюбовался спящим еще немного и мысленно согласился: друг-то был прав.

Должно быть, пристальный взгляд шуаньэр потревожил сон Чжуншаня — мгновение спустя тот шевельнулся и неторопливо открыл глаза.

Сказалась вчерашняя ночная возня — Чжуншань упрямо бодрствовал, доводя до ума острие тяжелого каменного ножа. Спросонья он соображал туго. Нащупав теплую ладонь Цзян Жана, он слабо сжал ее и хрипло пробормотал:

— ... Рано еще. Солнце едва встает, чего не спишь?

Горячая, мозолистая ладонь ханьцзы обдавала жаром. Смутившись, Цзян Жан попытался высвободить пальцы, но хватка была крепкой. Ему ничего не оставалось, кроме как склониться к самому уху Чжуншаня и мягко, убаюкивающе прошептать:

— Сегодня ведь день нашего возвращения к родне. По обычаю надо выйти пораньше.

Заметив, какими тяжелыми кажутся веки мужа, юноша умилился, и сердце его растаяло:

— Спи-спи еще, а я пока схожу на кухню, сварю рисовой каши. Поедим — и в путь.

Фан Чжуншань неопределенно промычал и нехотя разжал пальцы.

Поскольку рис был промыт еще с вечера, а нежная речная рыба аккуратно засолена, готовка не заняла много времени. Вскоре по дому разлился упоительный аромат наваристой каши с рыбой. Свежий утренний ветерок подхватил этот пар и разнес его по всему двору.

Долетевший до спальни дразнящий запах разбудил в Фан Чжуншане зверский аппетит. Сладко зевнув, он пересилил дремоту и сполз с постели.

Не успел он переступить порог, как навстречу ему вышел Цзян Жан с исходящими паром пиалами. Юноша ласково улыбнулся:

— Вода на плите уже согрелась, Старший брат Чжуншань. Ополосни лицо и садись за стол.

Завтракали они не спеша. Когда с едой было покончено, Цзян Жан, прибирая со стола, спросил:

— До дома Цзян путь неблизкий. Если пойдем пешком, потеряем уйму времени. Может, двинемся прямо сейчас?

После недавнего визита свахи молодой шуаньэр окончательно вычеркнул кровных родственников из своего сердца. Отныне он звал их сухо и отстраненно: «семейство Цзян».

В мыслях юноши царила кристальная ясность: господин Юань, который отродясь его недолюбливал, внезапно засуетился и подослал сваху лишь с одной целью — обобрать их с Чжуншанем до нитки.

Идти на поводу у этого человека Цзян Жан не собирался. Он принципиально не подготовил ни единого подарка, намереваясь явиться на порог с пустыми руками, раз и навсегда обрубить все узлы и больше никогда не переступить порог отчего дома.

— Пешком? Ноги же сотрешь, — Фан Чжуншань тепло усмехнулся, помогая мужу собирать посуду. — Я еще вчера договорился с дядей Цзяном. Он подбросит нас на своей повозке. По знакомству взял сущие копейки — всего два медных гроша в обе стороны. Скоро должен подъехать.

Этот самый дядя Цзян когда-то знатно помог им перевезти нехитрый скарб, когда Чжуншань отделялся от отцовского дома. Старик был человеком открытым и добродушным. Прослышав, что молодой хозяин везет своего шуаньэр навестить родню, он размашисто ударил себя в грудь и пообещал доставить супругов в лучшем виде.

Жалость больно кольнула сердце Цзян Жана — тратить заработанные тяжким трудом деньги казалось ему чистым безумием.

«Целых два медных гроша! — мысленно ахнул Цзян Жан. — Да ведь Старший брат Чжуншань,

надрываясь в горах, за целый день выручает от силы пять!»

— Да ну, глупости какие, — поспешил возразить он. — Подумаешь, опоздаем немного. К чему швыряться деньгами на ветер? Пусть судачат что хотят, нам-то какое дело?

Фан Чжуншань не удержался от улыбки. Ему безумно нравилось, как его маленький шуаньэр за столь короткий срок примерил на себя роль бережливого хозяина. Пара медных монет — пустяк, чай, не обеднеют.

К тому же...

Чжуншань скользнул взглядом по лежавшему на краю стола увесистому свертку. В грубую мешковину был бережно замотан тот самый каменный тесак, над которым он корпел накануне.

— Не переживай. В гостях негоже показываться без подношения. А тащить в руках такую тяжесть по жаре — сомнительное удовольствие. На повозке оно как-то надежнее и спокойнее.

До сих пор Чжуншань словом не обмолвился ни о каких гостинцах. Изумленный Цзян Жан тут же забыл о расходах:

— Подарок? Какой еще подарок?

Заметив, как нахмурился юноша, Чжуншань мягко прижал палец к его губам, призывая к молчанию, и лукаво прищурился:

— О, это особенный дар. Весьма... увесистый. Обещаю, семейство Цзян так и ахнет от изумления. Положись на меня и ни о чем не думай.

Шуаньэр почувствовал неладное. В его чистых глазах промелькнуло недоверие, однако выпытать подробности так и не удалось: муж лишь заговорщически подмигивал и твердил, что всему свое время.

Повозка без лишней клажи катилась легко и ходко. Дядя Цзян весело посвистывал, изредка пощелкивая кнутом над ушами послушного ослика. К воротам усадьбы Цзян они подкатали даже раньше назначенного срока.

Первый визит зятя в дом тестя — событие для деревни значительное, по важности уступающее разве что самой свадьбе. Принимающая сторона, то бишь родня шуаньэр, обязана накрыть столы и созвать соседей.

Господин Юань ждал гостей с особым трепетом. Конечно, главным его помыслом было прибрать к рукам лакомый кусок чужого имущества, но имелся и другой мотив — пустить пыль

в глаза односельчанам и показать себя заботливым, любящим отчимом. Едва сваха принесла долгожданное согласие от молодоженов, в доме Цзян закипела спешная работа.

Клан Цзян был куда сплоченнее и многочисленнее расколотой семьи Фан. Старик Цзян был третьим сыном; оба его старших брата — Старший дядя Цзян и Второй дядя Цзян — жили неподалеку. Они вели хозяйство крепко и бедности не знали. Из-за этого Старик Цзян с господином Юанем то и дело выпрашивали у них помощи, а потому, несмотря на почтенный возраст, собственного голоса на семейных советах почти не имели.

В свое время оба почтенных дяди приложили немало усилий, чтобы сосватать безропотного племянника смертельно больному Фан Чжуншаню «для изгнания хвори». Разумеется, на сегодняшнее пиршество их усадили на самые почетные места.

Здесьшний обычай велел справлять торжество спозаранку. Гости собирались на легкий утренний чай, обменивались с хозяевами праздными любезностями, желали молодым счастья и расходились по своим делам.

Когда повозка остановилась у ворот, просторный двор перед домом Цзян уже вовсю гудел. Односельчане чинно рассаживались за грубо сколоченными столами прямо под открытым небом.

Слухи о безобразном скандале, разыгравшемся в день свадьбы у дома Фан, давно разлетелись по округе. Стоило Чжуншаню бережно придерживать за руку своего шуаньэр, помогая ему спуститься на землю, как толпа притихла. Соседи принялись заговорщически перемигиваться.

— Гляди-ка, идет наш многострадальный шуаньэр...

— Да уж, повезло девке... то есть, парню. Стоило порог переступить, как этот полумертвый Фан Чжуншань возьми да и оклемайся!

— Болтают, будто Чжуншань этот только на девок падок, а шуаньэр в грош не ставит. Как по мне, лучше б помер грешным делом. Овдоветь-то всяко краше, чем терпеть при живом муже холодную постель.

— И то правда. Жалко беднягу — в родном доме житья не давали, отчим поедом ел, а теперь еще и там наплачется. Куда ни кинь — всюду клин.

Селяне шептались, прикрывая рты ладонями, но их любопытные, липкие взгляды так и ощупывали вошедших.

Фан Чжуншань поморщился, с трудом сдерживая брезгливость. Крепче сжав ладонь Цзян Жана, он уверенно зашагал к дому, небрежно держа в руке тяжелый сверток.

Твердо вознамерившись помириться с зятем, господин Юань и Старик Цзян так и расплылись в слащавых улыбках. Они поспешили навстречу супругам. Заметив внушительный, туго набитый мешок в руке Чжуншаня, отчим едва не замурлыкал от предвкушения.

— Ох, Чжуншань, Сяо Жан! — всплеснул руками господин Юань. — Все глаза проглядели, ожидаючи! Ну наконец-то, наконец пожаловали!

Натянув самую радушную мину, отчим бесцеремонно вытолкнул вперед упирающегося Цзян Руху, на лице которого отчетливо читалось отвращение:

— Глупый ты малый! Ну же, брат с зятем приехали, чего молчишь как неродной? Дома только и делал, что хвостиком за Жан-эром бегал! А как разъехались, так все слезы выплакал — так скучал по старшему брату!

Цзян Жан равнодушно наблюдал за этим притворством.

Цзян Руху рос избалованным барчуком под крылом господина Юаня. С малых лет отчим вдабливал ему в голову, что сводный брат — отрезанный ломоть, нахлебник и чужак, которому не место в приличном доме. Неудивительно, что мальчишка люто ненавидел Цзян Жана. Называясь братьями, они оставались злейшими врагами. О каких слезах тоски могла идти речь?

В силу возраста Цзян Руху не умел искусно лицемерить. Не понимая, с чего вдруг родители заискивают перед презираемым им нищевродом, он упрямо пятился назад и воротил нос, наотрез отказываясь здороваться.

Старик Цзян неловко заерзал, пряча глаза, и выдавил заискивающую улыбку:

— Ты уж не серчай, Жан-эр. Малец просто робеет перед чужаками. Фан Чжуншаня он отродясь не видел, вот и испугался с непривычки.

Цзян Жан прикрыл веки, подавляя тяжелый вздох.

«Окажись я на его месте в детстве, — подумал он с горечью, — отец без лишних слов наградил бы меня увесистой затрещиной».

Глубокое, непреодолимое отвращение затопило его душу. Ему опротивело это фальшивое представление — дешевая комедия о любящей родне. Решив покончить с этим фарсом, он ледяным тоном отчеканил:

— А я не знаю.

Голос шуаньэр прозвучал на редкость звонко и твердо. Гости во дворе мгновенно замолчали, жадно прислушиваясь к каждому слову.

— Мы с Цзян Руху никогда не ладили. Ему не с чего скучать по мне. Напротив, он обожал пинать чашку с рисом, когда мне чудом перепадала ложка чистой каши. А лютой зимой выливал на мою одежду ледяную воду из колодца и заходился смехом, глядя, как я дрожу от холода.

Цзян Жан сделал глубокий вдох и припечатал:

— И никого он не боится. Не наставляли бы вы его перед моим приездом, он бы уже плевался мне в лицо.

Юноша выпалил все это на одном дыхании, громко и напористо. Ошеломленные господин Юань и Старик Цзян лишь беззвучно хватали ртами воздух, не в силах вставить ни слова.

Сплетникам на радость: не успели они переварить свадебный скандал, как им преподнесли новое, еще более лакомое зрелище. Поистине, представление обещало быть жарким.

Те из гостей, кто присутствовал при недавней ссоре у дома Фан, мгновенно почуяли неладное. Напрочь позабыв о чае и пресных лепешках, они затаили дыхание, ловя каждое слово.

Облегчение, копившееся долгие годы, наконец вырвалось наружу. Цзян Жану сделалось так легко, будто с плеч свалилась каменная глыба. Не заботясь о том, как перекосило лица отца и отчима, он с надеждой повернулся к стоящему рядом мужу.

Фан Чжуншань смотрел на него со смесью гордости и искреннего восхищения.

Казалось, он вот-вот покажет большой палец и во весь голос крикнет: «Ай да умница! Настоящий боец!»

<http://bllate.org/book/19394/1960198>